

ВСТУПЛЕНИЕ

В своем предисловии к антологии детективных рассказов, опубликованной в 1934 году, Дороти Л. Сэйерс писала: «Похоже, смерть доставляет уму англосакса большее невинное развлечение, чем любой другой сюжет». Разумеется, она имела в виду не ужасные, грязные и порой жалкие убийства, которые происходят в реальности, а таинственные, изящно придуманные и приобретенные известность сочинения детективных авторов. Наверное, «развлечение» не совсем подходящее слово; было бы точнее сказать — занятие, отдых или источник возбуждения. И, судя по всемирной популярности детективной литературы, не только англосаксов увлекают самые отвратительные убийства. Миллионы читателей по всему миру чувствуют себя как дома в тесном рабочем кабинете Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221Б, в очаровательном коттедже мисс Марпл в Сент-Мэри-Мид и в элегантной квартире лорда Уимзи на Пиккадилли.

В период, предшествовавший Второй мировой войне, самой популярной формой детективной литературы являлся рассказ. Два писателя, которые по праву считаются основоположниками детективного рассказа, Эдгар Аллан По и сэр Артур Конан Дойл, были мастерами этого жанра, и первый из них предвосхитил часть характерных черт не только детективного рассказа, но и детективного романа: персонаж, на кого менее всего падают подозрения, оказывающийся убийцей; «кабинетный детектив», раскрывающий преступление не выходя из дома; эпистолярная форма, в которой ведется повествование. Эрик Эмблер писал: «Детективный рассказ, может, и возник в голове Эдгара Аллана По, но питал его, облекал в одежды и возвращал Лондон». Размышлял он, конечно, и о гении Конан Дойла, создателя образа самого знаменитого детектива в мировой литературе. Он завещал жанру уважение к разуму, конкретный интеллектуализм, большее доверие к рассуждению, чем к физической силе, отвращение к сентиментальности и умение создать атмосферу таинственности и готического ужаса, которая тем не менее прочно уходит корнями в физическую реальность. А главное, более чем какой-либо другой писатель, Артур Конан Дойл утвердил и сделал традиционным образ выдающегося детектива, всеведущего любителя, чья личная, порой причудливая эксцентричность

б контрастирует с рациональностью его

методов и который вселяет в читателя уверенность в том, что, невзирая на нашу очевидную беспомощность, мы все же живем в разумной вселенной.

Рассказы о Шерлоке Холмсе — самые знаменитые, однако они не единственные, достойные того, чтобы их перечитывать. Джулиан Саймонс, известный критик детективной литературы, заметил, что большинство выдающихся авторов, работающих в жанре рассказа, обращались к детективу как к альтернативе основному роду литературной деятельности и с удовольствием использовали эту младенческую еще форму, поскольку она предоставляла им неограниченные возможности новизны и разнообразия. Гилберт Кит Честертон являет собой пример писателя, чьи основные интересы лежали в иной плоскости, но его рассказы о патере Брауне до сих пор читаются с удовольствием. Удивительно, как много других выдающихся писателей пробовали себя в жанре детективного рассказа. Во второй серии антологии «Выдающиеся рассказы о расследованиях, тайнах и ужасах», опубликованной в 1931 году, среди авторов значились Г. Д. Уэллс, Уилки Коллинз, Уолтер де ла Мар, Чарлз Диккенс, Артур Квиллер-Кауч и другие.

Немногочисленные нынешние писатели-детективщики не испытывают влияния своих предшественников, большинство из них охотнее пишут романы, а не рассказы. **7**

Отчасти это связано с сокращением рынка литературы коротких форм как таковых, но главная причина скорее всего в том, что детективный рассказ больше приблизился к основному потоку литературы, а писателю требуется простор, если он хочет в полной мере использовать психологические тонкости характера персонажей, сложности взаимоотношений и воздействие убийства и полицейского расследования на жизнь этих персонажей.

Рамки рассказа по определению ограничены, и это значит, что автор достигает наилучшего результата, если имеет дело с одним происшествием и одной доминирующей идеей. Успех рассказа в большой степени определяется оригинальностью и ценностью этой идеи. Рассказ композиционно гораздо проще романа, однако его концепция более прямолинейна и целеустремленно направлена к разгадке. В рамках своего более скромного замысла он тем не менее тоже может явить правдоподобный мир, куда читатель вступает, чтобы получить то, чего он ожидает от детективной литературы как таковой: внушающую доверие тайну, напряжение и волнение, персонажей, каких мы можем опознать, если и не всегда испытать к ним сочувствие, и развязку, которая не разочарует. Писатель находит удовлетворение в искусстве вместить в несколько тысяч слов все те существенные элементы сюжета, декорации, **в** характеристики персонажей и неожидан-

ности, которые необходимы, чтобы создать хороший детективный рассказ.

Хотя большинство моих собственных сочинений — романы, я получила огромное удовольствие, рискнув обратиться к рассказу. Здесь нужно уметь ограниченными средствами поведать о многом. Тут нет возможности для пространных и подробных описаний места действия, тем не менее оно должно живо представиться читателю. Разработка характера важна не менее, чем в романе, однако основные его черты необходимо передать экономно, немногими словами. Сюжет должен быть крепким, но не слишком сложным, а развязка, к которой неотвратимо ведет каждая фраза повествования, должна удивить читателя и не вызвать у него ощущения обманутости. Все служит самой главной составляющей рассказа: потрясению неожиданностью. Из сказанного следует, что хороший рассказ сочинить трудно, но в наш суетный век такой рассказ может доставить одно из самых больших удовольствий.

Ф. Д. Джеймс

ДОМ ТВОЕЙ МЕЧТЫ

До и после суда над Гарольдом Винсоном, где я выступал в качестве свидетеля обвинения, как обычно, было много безосновательных, бессмысленных и повторяющихся спекуляций на тему: могло ли кому-то, кто его знал, прийти в голову, что он способен замыслить убийство собственной жены? Считалось, что я знал его лучше других преподавателей, и коллег раздражало мое якобы фарисейство, поскольку я всячески противился участию в общих сплетнях о том, что в конце концов стало самым громким школьным скандалом за последние двадцать лет.

— Вы знали обоих, бывали у них дома, видели их вместе. Неужели ни о чем не догадывались? — донимали они меня расспросами, полагая, что я проявил прискорбную беспечность. Мол, должен был заметить, что происходит, и предотвратить последствия.

Нет, я ни о чем не догадывался, вернее,
10 если у меня и возникали какие-то подо-

зрения, то они оказались неверны. Но в одном коллега были правы: я мог предотвратить последствия.

С Гарольдом Винсоном я познакомился, когда меня приняли на должность учителя рисования младших классов в общеобразовательную школу, где он преподавал математику старшим. Это место не навевало тоску, как современные «фабрики обучения». Заведение располагалось в помещении бывшей классической средней школы XVIII века, не слишком изуродованном небольшой перестройкой, в довольно милом спальном городке на берегу реки милях в двадцати к юго-востоку от Лондона. Его население составляли в основном представители среднего класса, немного чопорные и консервативные в культурном плане, но едва ли блестящие интеллектом. Тем не менее, он вполне подходил мне в качестве первого места службы. Я ничего не имею против среднего класса и его привычек — сам принадлежу к среднему классу. И я понимал, как мне повезло, что получил эту работу. Моя история характерна для художника, обладающего определенными способностями, но не испытывающего достаточного уважения к модным веяниям современной элиты, чтобы прилично зарабатывать на жизнь рисованием. Более преданные своему ремеслу мужчины предпочитали жить в дешевых студиях. Я же озабочен тем, где и как жить, поэтому для меня был важен диплом препода-

вателя и место в общеобразовательной школе Уэст-Фэринга.

Мне хватило одного вечера в доме Винсона, чтобы понять: он садист. Я не имею в виду, что Винсон мучил своих учеников. Пусть бы только попробовал, это не сошло бы ему с рук. В наши дни баланс силы в классной комнате мстительно сдвинулся, и издевательства стали привилегией учеников. Нет, как учитель он был на удивление терпимым и добросовестным, увлеченно преподавал свой предмет («дисциплину», как Винсон предпочитал говорить, будучи отчасти снобом-интеллектуалом, приверженным академическому жаргону) и умел заразить своим энтузиазмом детей. Он был очень строгим во всем, что касалось дисциплины, но я никогда не замечал, чтобы детям не нравилась строгость со стороны учителя, если только тот не позволял себе мелочного сарказма, который ученики, не имея возможности ответить тем же, воспринимали как особую несправедливость. Винсон прекрасно готовил их к экзаменам. Что ни говори, а это и детки из среднего класса, и их родители высоко ценят. Прошу прощения за расхожее словечко «детки», с оттенком снисходительности и льстивости одновременно. Винсон не употреблял его. Он имел привычку называть своих учеников питомцами. Веселым человеком Винсон не был. Жесткие черты его лица редко расплывались в улыбке, а когда это случалось, то напоминало

скорее болезненную гримасу. Со своей худой, немного сутулой фигурой, серьезным взглядом из-за очков в роговой оправе, недовольными складками, глубоко залегшими между основанием носа и уголками решительно сжатых губ, он казался тем, за кого мы его и принимали, средних лет педантом, начисто лишенным обаяния и не очень счастливым.

Нет, не своих драгоценных питомцев он запугивал и тиранил, а жену. Впервые я увидел Эмили Винсон на Дне памяти — архаической церемонии, унаследованной от классической школы и воспринимаемой с таким пиететом, что даже преподавательские жены, которые редко бывали в школе, в этот день чувствовали себя обязанными присутствовать там. Она была на двадцать лет моложе мужа, худая беспокойная женщина с рано потускневшими рыжеватыми волосами и очень бледной, словно прозрачной кожей, какая часто бывает у рыжеволосых. Одевалась Эмили Винсон дорого и стильно, пожалуй, неуместно для столь невзрачной женщины: слишком модный костюм лишь подчеркивал ее хрупкую заурядность. Но глаза под изогнутыми аркой тонкими бровями были удивительными: необычного зеленого цвета, огромные и слегка навывкате. Она редко смотрела на меня, но когда все же бросала беглый затуманенный взгляд, это было все равно что перевернуть любительскую викторианскую картину маслом и обнажить на обороте работу Коро.

Именно тогда, в конце празднования Дня памяти я впервые получил приглашение посетить их дом. Оказалось, что у четы Винсон был определенный жизненный стиль. Отец оставил Эмили в наследство небольшой георгианский дом идеальных пропорций, располагавшийся на двух краях земли со сбегавшей к реке зеленой лужайкой. Очевидно, отец был строителем и купил этот дом дешево у обедневшего владельца с намерением снести и поставить на его месте многоквартирный блок. Градостроительная комиссия вовремя предотвратила этот вандализм, издав распоряжение об обеспечении сохранности объекта, и отец Эмили умер через несколько недель — наверняка от огорчения, — оставив дом со всем его содержимым дочери. Похоже, ни Гарольд Винсон, ни его жена не сознавали ценности своего владения. Он ворчал по поводу затрат, она — из-за обилия работы по хозяйству, которых требовал дом. Совершенство пропорций фасада, такого красивого, что дух захватывало, оставляло их равнодушными, словно это был квадратный кирпичный блок. Даже к мебели, доставшейся вместе с домом, Винсоны относились без уважения, будто она представляла собой дешевые копии. Когда во время своего первого визита я восхитился просторностью и пропорциональностью их столовой, Винсон заметил:

— Дом — лишь пространство между четырьмя стенами. Какое значение имеет, насколько близко или далеко друг от

друга расположены эти стены и из чего они сделаны? Все равно остаешься в клетке.

Когда он это говорил, его жена относила тарелки в кухню и ничего не слышала. Винсон сказал это так тихо, что я сам едва разобрал. Теперь я даже не уверен, что он хотел, чтобы я это услышал.

Брак — самый публичный и в то же время потаенный социальный институт, его беды так же неотвязны, как сухой кашель, только эти частные тревоги труднее диагностировать. И нет ничего более разрушительного для светского общения, чем личные несчастья кого-либо из присутствующих. Никому не приятно сидеть в неловком молчании, чувствуя несовместимость и взаимную неприязнь хозяев друг к другу. Создавалось впечатление, что стоило Эмили открыть рот, как Гарольда мгновенно охватывало раздражение. Никакое ее мнение не заслуживало того, чтобы выслушивать его. Пустая домашняя болтовня — а о чем еще жена могла говорить? — неизменно возмущала его своей банальностью, Гарольд с якобы безропотно-терпеливым, нарочито скучающим видом клал нож и вилку, как только она, предварительно покосившись на него, заставляла себя заговорить. Если бы Эмили была съезжившимся от страха домашним животным со лживой по существу жалобной мольбой во взгляде, искушение пнуть его ногой было бы для Винсона непреодолимо. И он пинал — словесно.